

Жена
сэра Айзека
Хармана

Герберт Уэллс

**ЖЕНА СЭРА
АЙЗЕКА
ХАРМАНА**

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
У98

Перевод с английского В. Хинкиса

Уэллс, Г.

У98 Жена сэра Айзека Хармана / Г. Уэллс; [пер. с англ. В. Хинкис]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 496 с.

Леди Харман вышла замуж без любви, поддавшись уговорам своей семьи и богатого поклонника. Со временем героиня осознает, как мало у нее свободы: ей не позволено не только выражать свое мнение, но и просто иметь его. Знакомясь с движением суфражисток, она понимает, что каждой женщине необходима независимость. Но властный муж требует слепого повиновения и считает, что единственный долг жены – следить за домом и детьми. Где же кончается долг и начинается рабство? Герберт Уэллс писал: «В «Жене сэра Айзека Хармана» я попытался объяснить себе и читателям, какие унижения и оскорбления побуждают нежную женщину бить стекла».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗНАКОМСТВО С ЛЕДИ ХАРМАН

1

Автомобиль въехал в маленькие белые ворота и остановился у крыльца, над которым густо сплелись веленые кудри жасмина. Шофер мотнул головой, словно хотел сказать: ну вот, приехали наконец. Высокая молодая женщина с большим нежным ртом, пышными иссиня-черными волосами, почти совсем закрывавшими широкий лоб, и карими глазами, такими темными, что они казались почти черными, слегка наклонилась вперед, окинув дом тем восхищенным и проникновенным взглядом, который у людей сдержанных выражает порой смутное еще желание...

Маленький домик сонно смотрел на нее из-под ставень своими окнами в белых рамах и не подавал никаких признаков жизни. За углом его виднелась лужайка и клумба дельфиниума, из-за которой доносилось тарахтение тачки.

— Кларенс, — сказала женщина уже не в первый раз.

Кларенс, всем своим видом давая понять, что это не входит в его обязанности, сообразовал все же ее

услышать, вышел из автомобиля и подошел к дверям дома.

— Кларенс, может быть... вы поищите звонок...

Кларенс бросил на дверь неприязненный взгляд, ясно показывавший, что, по его мнению, она ни к черту не годится, хотел было что-то возразить, но повиновался. Повиновался с таким видом, будто был уверен, что вслед за этим его заставят варить яйца или тачать башмаки. Он нашел звонок и дернул его слишком сильно, как и следовало человеку, который не обучен звонить в звонки. С какой стати ему это уметь? Ведь он шофер. Звонок не зазвонил, а, можно сказать, взорвался, и его звуки наводнили дом. Звон вырвался наружу из окон и даже из труб. Казалось, он никогда не умолкнет...

Кларенс подошел к автомобилю и поднял капот, заранее демонстративно повернувшись спиной ко всякому, кто выйдет на звонок. Как-никак он не лакей. Ладно уж, так и быть, он позвонил, а теперь ему надо заняться мотором.

— Ох, как громко! — беспомощно сказала женщина, обращаясь, по-видимому, к Господу Богу.

За изящными белыми колоннами отворилась дверь, и на крыльцо вышла маленькая красноносая старушка в чепце, который, видимо, надела наспех, не посмотревшись хорошенько в зеркало. Она бросила на автомобиль и на пассажирку недружелюбный взгляд поверх очков, сдвинутых, как и чепец, набок.

Женщина в автомобиле помахала розовой бумажкой — это был смотровой документ от агента по продаже недвижимости.

— Скажите, пожалуйста, это Блэк Стрэндс? — спросила она.

Старушка медленно подошла, враждебно глядя на розовую бумажку. Двигалась она осторожно, словно подкрадывалась.

— Это Блэк Стрэндс? — снова повторила женщина. — Может быть, я не туда попала, тогда простите, пожалуйста, за беспокойство, за этот громкий звонок и за все прочее. Не думайте...

— Блэк *Стрэнд*, — поправила старушка таким тоном, словно хотела пристыдить приехавшую даму, и вдруг взглянула на нее не поверх очков, а прямо сквозь стекла. Взгляд ее от этого не стал дружелюбнее, только глаза теперь казались гораздо больше. Она рассматривала даму в автомобиле, но при этом все время косилась на розовую бумажку.

— Я так понимаю, вы приехали дом осмотреть? — спросила она.

— Если только я никого не побеспокою, и если это удобно...

— Мистера Брамли нету, — сказала старушка. — А ежели у вас бумага, чего уж тут, смотрите.

— Если позволите. — Дама встала, высокая и стройная, закутанная в блестящий черный мех, — видимо, искушение боролось в ней с нерешимостью. — Очаровательный дом.

— Чистый сверху донизу, — сказала старушка. — Можете глядеть сколько душе угодно.

— В этом я не сомневаюсь, — сказала дама и, сбросив со своего гибкого, стройного тела пушистую шубу, осталась в красном платье. (Кларенс с неожиданной услужливостью открыл перед ней дверцу.) — Окна так и сияют, словно хрустальные.

— Этими вот самыми руками, — сказала старушка и посмотрела на окна, которые похвалила дама. Ее суровость сразу смягчилась, одрябла, как кожура упавшего яблока, когда оно полежит день-другой на земле. В дверях она обернулась и вдруг взмахнула рукой, как будто держала жезл. — Здесь холл, — объявила она. — Вот шляпы и трости мистера Брамли. К каждой шляпе или фуражке полагается специальная трость, и к каждой трости — специальная шляпа или фуражка, а на столе — перчатки к ним. Дверь справа ведет на кухню, а слева — в большую гостиную, там теперь кабинет мистера Брамли. — Потом, заговорив о вещах более нескромных, она понизила голос. — Вон за той дверью туалетная комната, там и умывальник.

— Здесь очень мило, — сказала женщина. — Так просторно, хоть потолок и не слишком высокий. А краски какие, просто чудо! И эти огромные итальянские картины! И какой прелестный вид открывается из окна!

— Вы еще не то скажете, когда по саду пройдете, — сказала старушка. — Миссис Брамли в нем души не чаяла. Почти все своими руками сажала. А теперь пожалуйста в гостиную, — продолжала она и открыла правую дверь, из-за которой послышался невнятный возглас, что-то вроде «А, черт!». Несколько полный, невысокий мужчина в широкой зеленовато-серой куртке, какие носили художники, стоял на одном колене у открытого окна и зашнуровывал башмак. У него было круглое, румяное, доброе и довольно приятное лицо, каштановые волосы были зачесаны набок, большой шелковый галстук бабочкой слегка сдвинут в сторону, как это принято у артистов и модных писателей. Черты лица были правильные,

красивые, глаза выразительные, рот — совсем недурной формы. Сначала на лице у этого человека мелькнул лишь наивный ужас, как у робких людей, когда их застанут врасплох.

Но тотчас же в его умных глазах появилось восхищение.

Оба окинули друг друга оценивающим взглядом. Потом дама, которая с таким воодушевлением начала осматривать дом и теперь вынуждена была остановиться, извинилась и хотела уйти. (Между прочим, гостиная была просто восхитительна, вся такая веселая, а в нише у окна стояла большая белая статуя Венеры.) Она попятилась к двери.

— А я-то думала, вы вышли через балкон, сэр, — фамильярно сказала старушка и хотела было закрыть дверь, что прервало бы наш роман перед самой завязкой.

Но он окликнул ее, прежде чем она успела это сделать.

— Простите... Вы осматриваете дом? — спросил он. — Одну секунду. Позвольте, миссис Рэббит.

Он прошел через комнату, позабыв про шнурки, которые с неприличным шумом волочились по полу. Дама подумала, что совсем не так уж давно, в школьные годы, она не преминула бы ответить на такой вопрос: «Нет, гуляю вниз головой по Пикадилли», — но вместо этого она снова помахала розовой бумажкой.

— Агенты очень рекомендовали ваш дом, — сказала она. — Простите, что я врываюсь к вам вот так, без предупреждения. Конечно, мне следовало бы сначала написать, но я решила приехать неожиданно для самой себя.

Однако мужчина в галстуке, какие носили ценители искусства — а у него был и глаз ценителя, — уже заметил, что дама молода, восхитительно стройна, очень мила или даже красива — этого он пока еще не определил — и на редкость элегантно одета.

— Я очень рад, что не ушел, — сказал он с удивительной решимостью. — Я сам покажу вам дом.

— Помилуйте, сэр, как можно? — возразила старушка.

— Ну вот! Показать дом! Что ж тут такого?

— Кухня... вы ничего не понимаете в плите, сэр — где уж вам! И потом — верхний этаж. Не можете же вы показать этой леди верхний этаж.

Хозяин дома поразмыслил обо всех этих затруднениях.

— Ну хорошо, я покажу все, что можно. И тогда, миссис Рэббит, милости прошу. А пока вы свободны.

— Боюсь, что ежели вы сейчас не пойдете на прогулку, то после чая совсем расклеитесь, — сказала миссис Рэббит, скрестив на груди жесткие маленькие руки и сурово глядя на него.

— Встретимся на кухне, миссис Рэббит, — твердо сказал мистер Брамли, и миссис Рэббит после короткой внутренней борьбы удалилась с недовольным видом.

— Мне не хотелось бы вас затруднять, — сказала дама. — Ведь я ворвалась без предупреждения. Надеюсь, я вас не беспокоила... — Казалось, она хотела этим ограничиться, но не удержалась и добавила: — ...не беспокоила слишком сильно. В противном случае скажите мне прямо, прошу вас.

— Ничуть, — сказал мистер Брамли. — Не выношу эти дневные прогулки, как арестант не выносит свой подневольный труд.